По следам «Турецкого гамбита», или Русская «полупобеда» 1878 года

И.А. КОЗЛОВ

По следам «Турецкого гамбита», или Русская «полупобеда» 1878 года

ЭТЕРНА
2014

УДК 94(4)
ББК 63.3
К59

Козлов И. А.
К59 По следам «Турецкого гамбита», или Русская «полупобеда» 1878 года. – М.: Этерна, 2014. – 720 с.: ил.

ISBN 978-5-480-00325-3

«По следам “турецкого гамбита”» — это путь от загадок «возни» русской армии под Плевной до абсурда ее «стояния» у распахнутых ворот Константинополя в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Это путь, ведущий к пониманию той «необычной смеси самомнения и идеализма», которой отличалась внешняя политика трех последних российских императоров и которая в конечном счете привела Российскую империю к началу трагедии — августу 1914 г.

УДК 94(4)
ББК 63.3

ISBN 978-5-480-00325-3

© И.А. Козлов, 2014
© А.В. Кривошеев, оформление, 2014
© ООО «Издательство «Этерна», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

О чем эта книга 11

Часть I. ПЛЕВНА 17

Глава 1. **«Уж больно гладко началась эта война»** 21
Вперед на Константинополь, а за Рущуком приглядим 32
Упущенная победа 37

Глава 2. **«Берегись Плевны!»** 44
Кто и как остановит русских? 50
Два шага в капкан 58

Глава 3. **Кадры и разведка решают все!** 77
Генерал, вы струсили… извольте полечиться 77
Знакомьтесь — господин Фаврикодоров… 84

Глава 4. **Прелюдия к «Третьей Плевне»** 88
Штурм Шипки: глупость и доблесть по-турецки 89
Вторая возможность разбить Сулеймана 95
Мистификации Пелишата и взятие Ловчи 100

Глава 5. **Третий штурм Плевны: доблесть и глупость по-русски** . . . 106
Что происходит, когда планы «навеваются свыше»… 107
Центр ломает диспозицию 115
«Белый генерал» против «льва плевненских позиций» 117
«Подкреплений не ждите, их у меня нет» 121

Глава 6. **Почему не поддержали Скобелева?** 129
Несостоявшийся маневр 130
Поражение в шаге от победы 132

Глава 7. **О возможностях выбора** 139
Между Плевной и Никополем 140
Между Плевной и Гурко 154

Часть II. КОНСТАНТИНОПОЛЬ 177

Глава 8. **Пожар на Балканах и брандмейстеры из «европейского концерта»** 181
Вечный Восточный вопрос 183
Россия начинает и... 185
«Замять восстание» 190
О вреде «длинного языка» и больших компаний в дипломатии 194

Глава 9. **Игра с нулевым итогом** 198
Цена российского заступничества 203
Берлинский меморандум и интересы Британской империи 207
Распутье российской дипломатии 218

Глава 10. **Не нужен нам берег турецкий...** 221
Сербия «выходит в поле» и «славянский пожар» в России 224
Богемская интерлюдия 229
По ком звонит сербский колокол? 238
О том, как борьба за мир выводит на тропу войны 242

Глава 11. **Метаморфозы осени 1876 года** 251
Россия — Англия: мирные заверения и лед недоверия 262
Уроки политического прагматизма князя Бисмарка 266
Торг и ревность в континентальном треугольнике 274
Последние аккорды мирного процесса: миссия невыполнима 285

Глава 12. **О «гамбитах», обещаниях Лондону и европейском посредничестве** 302
«Балканские гамбиты»: дефекты понимания 303
Цена британского нейтралитета 308
Политические сальто в Плоешти 313
Надеемся на Вену — уговариваем Лондон 321
Отступление от темы: роковые решения Николая I и европейское посредничество на Востоке 325
Причуды российской дипломатии 335

Глава 13. **О планах войны: «русский блиц» против «турецкого гамбита»?** 347
О бедствиях войны, ее «никчемности» и готовности к ней России 358
«Нет, ребята, все не так! Все не так, ребята...» 362
Осень тревог и надежд наших 378

Часть III. ТЕАТР АБСУРДА У ВОРОТ КОНСТАНТИНОПОЛЯ 389

Глава 14. **«...И враг бежит, бежит, бежит...»** 391
И вновь Шипка 392
В погоне за Сулейманом 394
«Когда крепости сдаются кавалерийским разъездам» 397

Глава 15. **Условия мира победителей** 400
Нам пишут из Парадима 402
Мы так не договаривались... 405
Порта просит мира, Лондон требует объяснений 409
И победы порождают страх 413

Глава 16. **И хочется, и колется, и Лондон не велит** 423
Перед последним рывком: ждите особого приглашения 424
Десанта не будет, но эскадру вперед 429
Султан согласен на все 436

Глава 17. **О несовершенном телеграфе, английских броненосцах и упущенных возможностях** 440
Британская эскадра проходит Дарданеллы 443
Войти в Константинополь?.. А был ли приказ? 458
Силы сторон под Константинополем 470
Что толку в этой константинопольской «Рублевке»... 477

Часть IV. ПОСЛЕ САН-СТЕФАНО, ИЛИ СУДЬБА ТУРЕЦКИХ КЛЮЧЕЙ ОТ РОССИЙСКОГО ДОМА 483

Глава 18. **По дороге разочарований...** 487
Работа над ошибками... 490
О намерениях и возможностях правительства ее величества 507

Долой оковы Сан-Стефано? 520
Договориться с Лондоном любой ценой 537
Уроки Берлинского конгресса 547

Глава 19. **Проливы по-прежнему нам недоступны?** 564
«…И каждый пошел своею дорогой, а поезд пошел своей» 568
Стамбул почти не виден... но путь к нему идет через Берлин 587
О планах захвата Босфора 624
Лондон меняет курс 635
Неотправленная телеграмма посла Нелидова 644

Глава 20. **1877–1897: параллели и возможности** 658

**ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ,
ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ** 677

Приложения 679

Моей дочке,
Орловой Элине Игоревне,
с любовью и надеждой...

О ЧЕМ ЭТА КНИГА

В 2008 г. произошли два события, воскресившие в памяти один, казалось бы, давно похороненный в глубинах истории вопрос. Точнее даже то, как он был решен — не в пользу России. Речь идет о Восточном вопросе и о том, почему над черноморскими проливами все же не взвились российские флаги.

После нападения на Южную Осетию в августе 2008 г. грузинские войска были разгромлены и отброшены на свою территорию Вооруженными силами Российской Федерации. Однако на помощь Тбилиси поспешили страны НАТО. В гуманитарных целях, с грузом «бутилированной воды и детского питания», пройдя Босфор и Дарданеллы, к берегам Грузии стали подходить боевые корабли Североатлантического альянса. К сентябрю 2008 г. их насчитывалось уже десять, а по количеству противокорабельных и зенитных ракет большой дальности весь российский Черноморский флот в полтора раза проигрывал всего лишь пяти явившимся натовским кораблям /1/.

Но в 2008 г. минуло 130 лет с момента завершения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., победоносные итоги которой вполне могли сложиться для России так, что уже в то далекое время навсегда бы избавили нашу страну от опасности появления у ее южных берегов боевых кораблей нечерноморских стран.

А за три года до указанных событий, 22 февраля 2005 г., на российские экраны вышел фильм «Турецкий гамбит», снятый по одноименному роману Бориса Акунина, действие которого разворачивается в годы той русско-турецкой войны. С кассовым сбором в девятнадцать миллионов долларов, он не только оправдал ожидания продюсеров, но и оставил далеко позади ближайших на тот период конкурентов /2/. Фильм вызвал немалый общественный резонанс. Его активно обсуждали на телевидении, радио, страницах периодической печати.

Появление «Турецкого гамбита» на афишах кинотеатров совпало с переизданием капитального труда под редакцией В.А. Золотарева, посвящен-

ного Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. /3/. К 2006 г. отзвуки фильма обрели уже форму исторических произведений. Именно тогда увидела свет книга Н.В. Скрицкого «Балканский гамбит. Неизвестная война 1877–1878 гг.». Из названия было понятно, что как роман Бориса Акунина, так и фильм явно вдохновили автора. И вдохновили, похоже, противопоставить свое описание войны той версии, которая была предложена Акуниным /4/.

«Неизвестная война»?.. Да помилуйте. Последняя русско-турецкая война — это, пожалуй, одна из самых изученных войн российской истории. Еще 21 марта (2 апреля) 1879 г.[1] при Главном штабе была образована Военно-историческая комиссия по сбору и анализу документов войны 1877–1878 гг. Проработав тридцать два года, комиссия изучила и опубликовала огромное количество документов. На этой основе она подготовила и издала многотомное «Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове».

Именно на материалах Военно-исторической комиссии выстраивали свои работы все позднейшие исследователи русско-турецкой войны. Так что назвать ее «неизвестной» — ну, это все же лукавство.

Однако есть в последней русско-турецкой войне нечто такое, чему не сразу подберешь и точное определение. Казалось бы, очевиден ее благородный пафос. «Вся Россия соединилась в одном великодушном порыве: прийти на помощь славянским братьям и содействовать их освобождению», — писал современник тех событий, советник российского посольства в Вене, а впоследствии выдающийся историк, С.С. Татищев /5/.

В то же время эта война с Турцией предстает порой чередой явных несуразиц; нестыковок целей и средств, стратегий и тактик; откровенных «непоняток» и абсурдов. И чем дальше продвигаешься в ее изучении, тем больше она кажется какой-то странной, явно лишенной целостной логичности. Но и это оказывается лишь одним из пластов ее феноменологии. «Копая глубже», любой внимательный исследователь непременно выйдет далеко за рамки чисто военной тематики. И обязательно упрется в серьезнейшие вопросы российской истории, которые порой причудливо проявлялись в помыслах и действиях участников тех далеких событий. Точно так же Б. Акунин в романе и создатели фильма вольно или невольно задели очень любопытные и весьма тонкие струны нашей истории.

---

[1] Во избежание путаницы, в настоящей работе все даты XIX в. приводятся по старому стилю (юлианскому календарю), принятому в то время в России (а также в Болгарии, Сербии, Черногории и других странах), в скобках — по новому стилю (григорианскому календарю).

«Я шел на “Турецкий гамбит” со своими встревоженными родовыми эмоциями, надеясь на встречу с таинственным и мистическим», — писал о фильме в марте 2005 г. Александр Проханов /6/.

Не станем пока касаться эстетики «таинственного и мистического».

Зададимся простым вопросом: а что вообще мы знаем о той русско-турецкой войне? Не с высот метафизики А. Проханова, а на уровне среднестатистического обывателя с багажом исторических знаний средней школы.

Могучая Российская империя обнажила меч в защиту братьев-славян. Это славянский «крестовый поход» — так в 1877–1878 гг. оценивали события русско-турецкой войны очень многие образованные люди в России. Основной удар русская армия наносила на Балканах, вспомогательный — на Кавказе. Героическая оборона Шипки, скрепившая боевое братство русских и болгар. Непоколебимая стойкость защитников Баязета, о которых не так давно был снят и показан телесериал. Что еще?

Да, современный болгарский Плевен, а тогда — Плевна!.. Три раза русская армия почему-то штурмовала город, находившийся в стороне от главной линии наступления, но так и не смогла его взять. Зачем она это делала?.. Тем не менее турок дожали блокадой, и они капитулировали. Ну, а далее — стремительный рывок к Константинополю. И вот, казалось бы, полная победа! 19 февраля (3 марта) 1878 г. — почетный мир в Сан-Стефано: свободная Большая Болгария… Да, потом, правда, был какой-то конгресс… Берлинский конгресс в июне 1878 г. На нем европейские «друзья» России резко урезали плоды ее побед. Вот, пожалуй, и все. Не так, впрочем, и мало.

Но кто-то более эрудированный наверняка вспомнит: ведь мы остановились в двух шагах от Константинополя. Остановились и не взяли его?! Почему?.. Так, может быть, прав один из главных героев войны генерал М.Д. Скобелев, считавший, что ее финал — это «какое-то недоконченное торжество, какая-то полупобеда» /7/.

Ну, а дальше — вопросы нарастают как снежный ком. Чтобы в этом убедиться, достаточно зайти на форум русско-турецких войн в Интернете /8/. Мы упустили шанс овладеть черноморскими проливами — Босфором и Дарданеллами?! А тогда вообще за что мы воевали, если после освободительной войны разругались с властями Болгарии, Сербии и Румынии, которые отвернулись от России и направились в сторону ее европейских обидчиков?

И вот за это мы заплатили более 200 тысяч жизней русских воинов и около миллиарда казенных рублей?! Какого черта мы вообще ввязались в эту войну, ведь у нас были вполне нормальные отношения с Оттоманской (Османской) империей?

Ладно, ввязались. В очередной раз повелись на сентиментальные имперские мифы. Ну, а уж коли так, то чего мы целых пять месяцев потратили на

разгром турецкого отряда под Плевной? Зачем перенесли туда, на правый фланг, основные усилия всей русской Дунайской армии? Не лучше ли было прикрыться на этом направлении оборонительным корпусом, а основные силы бросить вперед, на захват турецкой столицы, проливов, прогнать турок обратно в Азию и уже с такими козырями на руках отстаивать свои национальные интересы за столом переговоров с Европой? «Политика свершившегося факта» здесь была бы весьма уместна, не так ли? Действуя более национально-прагматически, мы, глядишь, и свой «интернациональный долг» перед братьями-славянами выполнили бы с гораздо лучшими результатами.

«Э-ка, голубчик, ну вы и загнули. Все это — пустые фантазии. Это слишком далеко от реальных исторических обстоятельств», — наверняка скажет какой-нибудь другой эрудированный читатель. И по-своему будет прав. Ну, а кто-то наверняка усмотрит в этом тоску автора по имперской великодержавности.

Вот только все эти вопросы отнюдь не плод авторских фантазий или досужих размышлений искателей исторической правды из интернет-сообщества. Эти вопросы зародились еще у многих участников и современников балканских событий 1875–1878 гг. С тех пор они воспроизводятся как исследователями той войны, так и теми, знания которых о ней хотя бы немного зашкаливают за объем программы средней школы. А сегодня эти вопросы заканчиваются порой и такими оценками:

«Александр II отступил (от Константинополя. — *И.К.*). Его “англичане попросили за турок”!

19 февраля 1878 г., в годовщину отмены крепостного права, царь даровал свободу болгарам. Себе оставил только клочок земли у Дуная, да на Кавказе города Карс и Батум.

“Убивать надо таких толстовцев!” — выпалил через 50 лет турецко-подданный Остап-Сулейман Бендер…

Вот и стали Александра убивать» /9/. Ну как? Скажете — исторический стеб, грубо, зло…

Но вернемся к поставленным вопросам. Именно с них и начинаются загадки той русско-турецкой войны. Здесь заявляет о себе и «метафизика» в духе Александра Проханова. А закончиться она, между прочим, может и таким предположением, что интересующая нас война — это, к сожалению, нереализованный, но наиболее вероятный шанс скорректировать траекторию геополитической динамики России XIX в. Ту самую траекторию, движение по которой привело Российскую империю к 1 августа 1914 г. и последующему краху.

Читатель не найдет в этой книге последовательного и всестороннего описания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Тем же, кто этим все-таки

заинтересуется, советую обратиться к уже упоминавшимся работам. В особенности рекомендую ознакомиться с монографиями А.Б. Широкорада /10/.

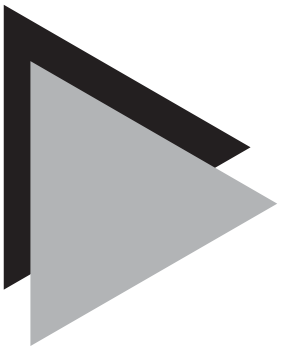
У нас же будут иные цели. Мы пойдем по следам «Турецкого гамбита» и постараемся разобраться в загадках и острейших вопросах той войны. И прежде всего, направимся по путям двух узловых проблем, на которых Б. Акунин столь удачно сфокусировал внимание читателей и зрителей.

Плевна и Константинополь — вот их названия.

Автор выражает огромную благодарность тем людям, без помощи которых эта книга вряд ли бы появилась на свет:

А. И. Карасину (The University of Wisconsin, Madison, USA);
Т. Ю. Красовицкой (Институт российской истории РАН);
А. В. Кривошееву (ОАО «Вымпелком»);
В. П. Лияскину (ГлавУпДК при МИД РФ);
Н.Л. Силину (консультант).

Оформление обложки, компьютерная обработка карт выполнены *А.В. Кривошеевым*; перевод текстов с французского — *Э.И. Орловой*.



Часть I

Плевна

Боевые действия под Плевной в июле — ноябре 1877 г. оказались для русской армии настоящей подножкой. И в таком смысле — это действительно был гамбит (французское *«gambit»* от итальянского *«dare il gambetto»* — дать подножку). Своей самоотверженной обороной защитники Плевны на четыре месяца сковали превосходящие силы русской армии, что в немалой степени предотвратило самый худший для Турции сценарий развития войны — быстрый прорыв русских войск к Константинополю и черноморским проливам. Утверждение Российской империи в этом регионе являлось кошмаром не только двору султана, но и доброй половине политиков Европы. Но подобное окончательное решение Восточного вопроса в духе Екатерины Великой не состоялось и было отложено. И как показала история — отложено навсегда.

Так понимаемый «гамбит» начал складываться в результате действия как минимум четырех факторов:

1. Недальновидных решений, просчетов и нерешительности в планировании и управлении боевыми действиями, допущенными командованием русской армии.
2. Самоотверженной борьбы турецких войск и мусульманского населения Плевны во главе с Османом-пашой.
3. Расположения противоборствующих сил на театре военных действий в июне — июле 1877 г.
4. Стечения обстоятельств. Порой даже можно говорить и о «его величестве случае». Ведь на войне, где человеческие страсти и энергия сконцентрированы и динамичны как, пожалуй, нигде более, а цена принимаемых решений есть сама жизнь, этот фактор проявляет себя в полной мере.

Вот так прямо начинаем с выводов? А почему бы и нет? По крайней мере, содержание первых трех пунктов хорошо известно в исто-

риографии русско-турецкой войны. Так зачем же его скрывать? Пусть сразу будет перед глазами читателей, я же постараюсь сверить изложенные положения с конкретными событиями балканской кампании и пойти дальше.

А начнем мы с некоторых довольно сухих фактов. Без них, однако, трудно будет как понять феномен Плевны, так и осознать весь драматизм ситуации бездарно упущенных возможностей финала той русско-турецкой войны.

Глава 1

«Уж больно гладко началась эта война»

12 (24) апреля 1877 г. Россия объявила Турции войну. В этот же день подразделения ее армии перешли границу все еще подвластной султану Румынии.

Выдающийся немецкий военный историк Ганс Дельбрюк в свое время выдал хороший совет: «Военно-исторические исследования… лучше всего начинать с подсчета численности войск» /1/. Вот этому совету я и последую.

К началу июня русская группировка в Румынии включала VIII, IX, XI, XII и XIV армейские корпуса, в первой половине июня ожидалось прибытие XIII, а в начале июля IV. Вместе с частями, не входившими в состав указанных корпусов (стрелки, резервные батальоны, болгарское ополчение, часть кавалерии, саперы и др.), общая наличная численность группировки к середине июня, по данным полевого штаба, составила **257 215** человек[1].

Что касается сил противника на театре военных действий, то здесь полевой штаб русской армии располагал не только общими данными, но и сведениями о количестве турецких войск в отдельных пунктах. Согласно им, наличная численность турецких сил к 1 (13) июня составляла около **160 000** человек, причем **разбросаны они были на простран-**

[1] Из 257 215 человек: 188 115 — пехоты, 32 837 — кавалерии, 29 293 — артиллерии, 6970 — инженерных войск. *См.: Мартынов Е.* Блокада Плевны (по архивным материалам). СПб., 1900. С. 2.

стве от Дуная до Константинополя и от Черного моря до границ Сербии[1] /2/.

10–11 (22–23) июня XIV корпус русской армии под командованием генерал-лейтенанта А.Э. Циммермана форсировал Дунай в его низовьях у Галаца — Браилова. А 15 (27) июня уже в среднем течении Дуная у Зимницы — Систова началась переправа на южный берег основных сил русской армии. Здесь после упорного боя авангард овладел береговыми высотами и городом Систовом.

Операция по форсированию Дуная развивалась вполне успешно. К концу июня русская армия на южном берегу Дуная насчитывала до 125 000 человек. Из них большая часть была сосредоточена под Систовом, а меньшая — в низовьях Дуная. Расстояние между двумя русскими группировками по прямой было около 320 км. Между ними в районе четырехугольника крепостей (Силистрия — Рущук — Шумла — Варна) располагалась восточная группировка турецкой армии. К западу же от систовской переправы наиболее крупные турецкие силы находились в Никополе и Видине. По фронту на направлении главного наступления русских — Систово — Тырново — балканские перевалы — Адрианополь — Константинополь — группировки турецких войск были сильно разбросаны, а их численность вплоть до середины июля 1877 г. была весьма незначительной.

Такие выводы основывались на данных, собранных перед началом войны полковником Генерального штаба Н.Д. Артамоновым[2]. Эти данные в основном совпадали с подсчетами французского военного агента полковника Торси, который находился в то время при турецкой армии и вел подробный учет ее сил /3/.

---

[1] А.Н. Куропаткин определял численность турецкой армии на Балканском театре к началу войны в 186 000 человек. *См.: Куропаткин А.Н.* Ловча, Плевна и Шейново (из истории Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.). СПб., 1881. С. 24. Печально известный по опыту руководства Маньчжурской армией в годы войны с Японией (1904–1905 гг.) А.Н. Куропаткин в годы русско-турецкой войны — офицер для поручений при штабе действующей армии, затем начальник штаба 16-й пехотной дивизии, где был ближайшим помощником М.Д. Скобелева. Отличился в сражениях под Ловчей, Плевной и при переходе через Балканы. *См.: Куропаткин А.Н.* Русская армия. СПб.: Полигон, 2003. С. 3–4.

[2] При определении численности турецких вооруженных сил российское военное министерство, как правило, исходило из следующих соотношений: табор (батальон) пехоты — 650 штыков, эскадрон — 100 сабель, батарея — 100 чел. В действительности же численность турецких пехотных батальонов оказалась гораздо ниже и нередко доходила до 250 и даже 100 чел. *См.:* Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. I. СПб., 1901. С. 32–33.

В Константинополе общая численность войск составляла всего 12 900 человек. **Таким образом, в рассматриваемый период османская столица оставалась практически беззащитной**.

С началом военных действий ситуация начала быстро меняться, и русское командование стало испытывать постоянный дефицит оперативной разведывательной информации. Многие ошибочные решения командования русской Дунайской армии были продиктованы именно этим фактором.

На театре военных действий данные разведки могли поступать по четырем основным каналам: по линии внедренной агентуры, от местных христианских жителей, турецких пленных и по результатам действий кавалерийских рейдов. Общее руководство службой разведки еще до начала войны было возложено на плечи полковников Генерального штаба Н.Д. Артамонова, Г.И. Бобрикова, П.Д. Паренсова. И в этом выборе командование русской армии не ошиблось. В 1880 г. генерал-лейтенант Н.Н. Обручев отметил, «что при открытии войны расположение турок было известно почти батальон в батальон» /4/.

Главнокомандующий Дунайской армией великий князь Николай Николаевич, прежде чем начать наступление за Балканы, решил обезопасить фланги, еще более разобщить восточные и западные части турецкой армии и тем самым упрочить положение единственной переправы у Зимницы — Систова.

На первый взгляд вполне логично, если принять во внимание расположение сил противоборствующих сторон в июне — июле 1877 г. Как позднее писал участник той войны А.Н. Куропаткин, корпуса, переправившиеся у Систова, расходились «веером, расширяя район действий в Болгарии и ища встречи с противником» /5/. В то же время подобное распыление сил в условиях отсутствия мощного стратегического резерва, сосредоточенного в Румынии и готового к переправе через Дунай, могло резко ограничить возможности для массированных наступательных действий по центру — в направлении Константинополя.

22 июня (4 июля) формируются два отряда: Рущукский (основа — XII и XIII корпуса) во главе с наследником престола цесаревичем Александром Александровичем для действий на левом фланге и Западный (основа — IX корпус) под руководством командующего IX корпусом генерал-лейтенанта Н.П. Криденера для действий на правом.

По состоянию на конец июня 1877 г., приблизительная наличная численность отрядов составляла: Рущукского — 60 тысяч, Западного — 30 тысяч. При этом численность Рущукского отряда на правом берегу Дуная не превысила 55 тысяч человек. Это было связано с тем, что приданная отряду часть XI корпуса (бригада пехоты и бригада кавалерии) была оставлена на

левом берегу для прикрытия 155-километрового участка между Рущуком и Силистрией и составила отдельный отряд под командованием генерал-лейтенанта Аллера /6/.

Одновременно командование принимает решение предварить массированное наступление за Балканы «освящением местности» по центру с захватом стратегически важных горных перевалов. С этой целью 18 (30) июня формируется Передовой отряд под командованием генерал-лейтенанта И.В. Ромейко-Гурко[1]. В отряд было назначено 5800 человек пехоты, включая 6 дружин (2,5 тысячи человек) болгарского ополчения во главе с генерал-майором Н.Г. Столетовым, 5 тысяч конницы и 40 орудий /7/.

Полностью части отряда Гурко переправились на южный берег Дуная к 22 июня (4 июля). Последней — Кавказская сводная казачья бригада полковника И.Ф. Тутолмина. Но еще ранним утром 21 июня (3 июля) Тутолмин получил приказ полевого штаба армии, согласно которому вверенная ему бригада передавалась в распоряжение генерала Криденера, как только его IX корпус переправится через Дунай. А до того времени бригада поступала «в ведение» генерал-майора Баранова, начальника 35-й пехотной дивизии XIII корпуса. Вот так еще до начала боевых действий отряд Гурко понес первые потери. А это, между прочим, составляло около 1300 человек конницы при одной конно-горной батарее. Поэтому фактически Передовой отряд мог продолжить движение к Балканам, имея в своем составе 5800 человек пехоты, 3700 — конницы и 32 орудия /8/.

В решении поставленных отряду задач особая роль отводилась конным частям. Еще перед войной в среде военных специалистов много говорили о значении дальних кавалерийских рейдов при поддержке конной артилле-

---

[1] В состав Передового отряда были назначены следующие части. *Пехота:* 4-я стрелковая бригада генерал-майора Цвецинского, болгарское ополчение генерал-майора Столетова, 2 сотни пластунов, 1-я и 2-я пешие горные батареи. *Конница:* сводная драгунская бригада полковника Е.М. Романовского, герцога Лейхтенбергского (8-й Астраханский и 9-й Казанский драгунские полки, сводный гвардейский полуэскадрон, 16-я конная батарея); сводная конная бригада генерал-майора Н.М. Романовского, герцога Лейхтенбергского (9-й гусарский Киевский полк, 30-й Донской казачий полк, 10-я Донская конная батарея); Донская казачья бригада полковника Чернозубова (21-й и 26-й Донские казачьи полки и 15-я Донская конная батарея); Кавказская сводная казачья бригада полковника Тутолмина (2-й Кубанский казачий полк, Владикавказский осетинский полк, 1-я Донская казачья конно-горная батарея, Уральская казачья сотня и конно-пионерский отряд полковника графа Роникера, сформированный из кавказских, донских и уральских казаков, прошедших саперную подготовку в Журжево). *См.: Епанчин Н.* Война 1877–78 гг. Действия передового отряда генерал-адъютанта Гурко. СПб., 1895. С. 2–3; *Тутолмин И.* Кавказская казачья бригада в Болгарии, 1877–1878 (Походный дневник). СПб., 1879. С. 54.

рии и пехоты. Это был, без преувеличения, мейнстрим военной мысли того времени (подобно идеям использования танковых соединений в осуществлении стратегических наступательных операций перед Второй мировой войной).

По замыслу русского командования, после овладения балканскими проходами кавалерию надо было «выслать еще дальше вперед с целью поднять болгарское население, оказать ему поддержку и рассеять турецкие отряды, если бы таковые оказались в незначительных силах». И сеять… панику, панику и еще раз панику в стане врага. Ибо она — лучший союзник наступающих войск /9/.

Обратим внимание на изначальную малочисленность Передового отряда в сравнении с Рущукским и Западным. Однако именно на его долю в июне — июле 1877 г. выпали самые активные наступательные действия стратегического значения. Операции отряда отличались высокой результативностью, основанной на той мобильности, которую придавала ему кавалерия.

Начав движение тремя колоннами, отряд Гурко вечером 25 июня (7 июля) захватывает Тырново. 30 июня (12 июля) отряд возобновляет наступление и начинает переход Балкан по труднейшему, но наименее защищенному Хаинкиойскому перевалу (Хаин-Богаз). Уже вечером 1 (13) июля Гурко был на его южной стороне. В этот день он пишет главнокомандующему, что планируемый захват двух балканских проходов и Казанлыка «неминуемо будет иметь очень сильное нравственное влияние на турецкое население; впечатление это отразится и на войске. Не воспользоваться этим впечатлением и не продвинуться далее, на Филиппополь или Херманлы[1], — было бы грешно. А, не обеспечив за собой проходы, сего сделать не возможно» (10).

Рано утром 2 (14) июля отряд Гурко выходит из тесного Хаинкиойского ущелья в долину реки Тунджа и в скоротечных боях рассеивает мелкие турецкие отряды, численностью от одного до трех батальонов.

Далее на очереди были Казанлык и Шипка, поэтому путь лежал на запад. Однако всего в 25 км восточнее перевала Хаинкиой, в Ени-Загре (Нова-Загоре) находились довольно значительные силы турок, которые могли угрожать тылам русского отряда. В штабе Гурко принимают решение прикрыться на этом направлении тремя сотнями казаков. Одновременно Гурко рассчитывал, что удастся убедить противника в том, что весь русский отряд движется именно на Ени-Загру.

«Между тем, — вспоминал начальник штаба Передового отряда полковник Д.С. Нагловский, — турки сами помогли нам в деле введения их в обман

[1] Херманлы, Семенли, Тырново — станции на железной дороге Адрианополь — Филиппополь — Ямбол.

Карта района боевых действий в июне — ноябре 1877 г.

Журжево
Слободзея
Малудежос
Рущук
Тарапан
Петрошаны
Бытин
Масштаб
Бьла
р. Янтра
Чешменджe
Демирджилар
Кесарево
Айлакиой
Осман-Базар
ТЫРНОВО
Дреново
Елена
Ханикиой
Маганш

насчет наших истинных намерений» /11/. Около 16 часов 3 (15) июля двигавшиеся по дороге на Ени-Загру казаки заметили у деревни Орезари (Оризари) шедший им навстречу турецкий отряд силой до трех батальонов при двух орудиях. Завязался бой. Гурко выслал на помощь казакам казанских драгун полковника Корево с артиллерией и две дружины болгарского ополчения. Нужный эффект был достигнут. Ощутив возросшие силы противника, турки приняли их за авангард наступающего на Ени-Загру большого русского отряда и стали поспешно отходить, но были настигнуты и рассеяны. Таким образом, с востока план по захвату Шипкинского перевала был обеспечен.

Этот, казалось бы, незначительный эпизод, тем не менее, весьма показателен. Он не просто отлично характеризует полководческие качества командира Передового отряда, но, что самое главное, иллюстрирует тип его военного мышления. Гурко стремился находить такие активные варианты действий, которые бы позволяли его отряду удерживать инициативу в своих руках и тем самым формировать в сознании противника нужный себе образ текущей военной реальности. Активными наступательными действиями Гурко просто заставлял противника плясать под свою дудку.

После боя у деревни Уфлани 4 (16) июля, где, как вспоминал один из его участников корнет А.П. Прянишников, «турки оказали довольно слабое сопротивление», части Передового отряда на следующий день с боем заняли Казанлык и с юга подошли к деревне Шипке у подножия перевала /12/. Турки поспешно отступили на свои горные позиции. Киевские гусары полковника Корфа захватили лагерь, брошенный неприятелем у Шипки, а астраханские драгуны полковника Мацылевича перехватили транспорт с галетами, направлявшийся на перевал.

Этот факт во многом предопределил успех русского отряда. Дело было в том, что в батальонах Халюсси-паши, защищавших Шипкинский перевал, оставался скудный трехдневный рацион питания. И, как впоследствии писал начальник штаба сводной конной бригады подполковник Н.Н. Сухотин: «Запоздай конница Передового отряда к Шипке на полчаса — вся операция рейда генерала Гурко могла бы оказаться впустую» /13/. Получив большой рацион галет, турки в количестве 8 таборов (около 5000 человек) при 12 орудиях с хорошим запасом боеприпасов «в крепкой, почти неприступной со всех сторон позиции», по оценке самого же Гурко, вполне могли продержаться недели две даже в окружении /14/. А этого времени было бы достаточно до подхода с юга частей герцеговинской армии Сулейман-паши, которая спешно перебрасывалась в Южную Болгарию и 7 (19) июля уже начала высадку в бухте Деде-Агача у Эноса.

Кстати, уже через месяц именно на шипкинских позициях роты 36-го Орловского и 35-го Брянского полков четыре болгарские дружины и

две сотни казаков в течение трех дней будут успешно противостоять натиску значительно превосходящих сил Сулеймана-паши.

Тактический и психологический расчет Гурко оправдывался. Стремительные действия его отряда безусловно оказывали на турок «сильное нравственное впечатление» /15/. В итоге Передовой отряд захватил Хаинкиойский перевал и с юга блокировал турецкие батальоны на Шипкинском перевале.

Тем временем 4 (16) июля к Шипкинскому перевалу с севера из Габрова подошел сводный отряд генерал-майора В.Ф. Дерожинского[1]. Дерожинский хотел дождаться установления связи с Гурко и действовать согласованно. Однако в ночь с 4 (16) на 5 (17) июля в Габрово прибыл начальник 9-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Н.И. Святополк-Мирский и «тотчас же сделал распоряжения об атаке Шипкинского перевала» /16/. Но на следующее утро, после успешного начала, атака захлебнулась. Грохот этого боя на другой стороне перевала, у деревни Шипки, слышали солдаты Передового отряда.

На исходе 5 (17) июля Гурко размышлял над сложившейся весьма непростой ситуацией. Атака с севера на турецкие позиции была отбита. Дальнейшее продолжение, пусть даже согласованных с отрядом Дерожинского, атак неминуемо привело бы к огромным потерям с непредсказуемым результатом. Штурмовать же такую горную позицию в одиночку граничило с безумием. А просто оставаться на южном склоне перевала означало подвергнуть уже свой отряд опасности быть прижатым к горам с юга. Но обнадеживало другое — турки на перевале оказались все же блокированными, да к тому же без продовольствия и воды. Вот исходя из такого расклада, следующий день Гурко начал с… блефа.

Ранним утром 6 (18) июля он послал командиру турецкого отряда предложение «сдаться на капитуляцию». Одновременно для установления связи с отрядом Дерожинского отправил по горным тропам на северный склон перевала болгарина и выстрелами из пушек попытался заявить северному отряду о своем прибытии. Только после этого Гурко начал атаку с юга. Он послал на турецкие позиции два батальона стрелков и две сотни пластунов. Однако встречных действий с севера не последовало. Понеся в результате предпринятой накануне атаки большие потери, отряд Дерожинского отошел в Габрово. Отступили и солдаты Гурко, потеряв в бою 130 человек.

Но Халюсси-паша решил не дожидаться объединенного удара русских отрядов. Утром 7 (19) июля к позициям Гурко прибыл турецкий офицер с

[1] В сводный отряд командира 2-й бригады 9-й пехотной дивизии генерал-майора В. Ф. Дерожинского входили 36-й пехотный Орловский и 30-й Донской казачий полки с артиллерией.

согласием своего командира сдаться. Гурко написал условия сдачи и послал вперед санитаров. Однако в условленное время сдаваться пришла лишь «небольшая партия турок». А вернувшиеся в полдень санитары сообщили, что «позиция у горы святого Николая очищена турками» /17/. На блеф русского генерала турецкий паша ответил хитростью: в ночь с 6 (18) на 7 (19) июля он приказал оставить артиллерию, припасы, раненых и пробираться горными тропами на Филиппополь.

Таким образом, второй балканский перевал оказался в руках русской армии. Позднее Гурко так оценивал одну из причин успешного захвата перевалов:

> «Вообще, если мне удалось овладеть с 4 батальонами проходами, которые были защищаемы 24 батальонами, то единственно потому, что они (турки. — *И.К.*) хотели защищать их, расставив войска по проходам маленькими пикетами» /18/.

Однако эта история с пикетами стала лишь звеном в цепи ошибочных решений Реуфа-паши, которому было поручено защищать балканские перевалы от Карлова до Ямбола. Протяженность этого участка составляла 75–80 км, а в распоряжении Реуфа-паши было около 22 тысяч человек /19/. Однако силы эти оказались разбросанными.

Турецкого командующего явно дезориентировали набеги русской кавалерии в направлении на Сливно и Габрово, произведенные после занятия Тырнова. Вместо того чтобы с основными силами занять центральную позицию в районе Казанлыка или Ески-Загры (Стара-Загоры) и тем самым обеспечить себе возможность наиболее быстрого реагирования на попытки русских перейти Балканы по любому из перевалов, Реуф-паша посчитал, что противник предпочтет Сливненский проход или, в крайнем случае, Шипкинский. Поэтому больше всего турецких сил было именно на этих перевалах. Основной же резерв турецкий командующий стянул на юго-восток к Ямболу (13 батальонов), прикрывая, главным образом, Сливненский перевал. Более того, подобные действия турецкого паши резко ослабили важнейшее стратегическое направление — на Адрианополь. И вот, устроившись в такой позиции, Реуф-паша стал ожидать русского наступления.

Однако отряд Гурко прошел по Хаинкиойскому перевалу, расположенному между Шипкинским и Сливненским. Этим маневром русские рассекли основные силы Реуфа-паши. А после захвата Казанлыка Гурко готов был и дальше пользоваться последствиями ошибки турецкого военачальника.

Тем временем у Реуфа появилась возможность исправить собственный просчет. Для этого нужно было срочно перевезти по железной дороге резерв из Ямбола в Ени-Загру и там сконцентрировать свои батальоны. Осуществив такой маневр, Реуф-паша с превосходящими силами мог бы

реально угрожать правому флангу Гурко. Однако турецкий командующий не тронулся с места. Он решил дожидаться подхода частей корпуса Сулеймана-паши.

В условиях такой пассивности противника у быстро продвигавшегося русского отряда не было серьезных затяжных боев. Разрозненные турецкие части просто не успевали организовать эффективную оборону. Они не выдерживали открытого полевого боя и после непродолжительного сопротивления поспешно отходили, умножая и без того нешуточную панику, охватившую мусульманское население и государственные структуры Османской империи.

В результате эффективных действий своего отряда Гурко вручил командованию русской армии ключи к балканской двери на кратчайшем пути к Константинополю. Казалось бы, подтягивай резервы, поддерживай мобильность передовых частей, прикройся на флангах и вперед! — рискованный, но вполне разумный вариант, который требовал смелости, решительности и максимальной концентрации сил. Опыт действий Передового отряда говорил, да что там говорил, он просто кричал об этом! Быстрота и натиск делали свое дело. И победоносные перспективы такой стратегии прекрасно понимал Гурко.

Становилось очевидным, что именно **молниеносный характер наступления** даже относительно небольшого, но мобильного и хорошо организованного русского отряда, возглавляемого решительным и энергичным командиром, способен дать в руки командования русской армии мощнейшее оружие — психологическое. Надломленная воля врага компенсировала тысячи русских штыков и сабель. И в этом особенно преуспевала кавалерия. Анализируя ее действия в отряде Гурко, подполковник Сухотин писал, что «…ни один род оружия не способен на такое возбуждение призраков и миражей, как конница» /20/. Опытнейший дипломат граф Н.П. Игнатьев, находившийся при главной императорской квартире, писал в дни стремительного продвижения отряда Гурко:

> «Турок надо бить безостановочно, не давая им перевести дух, в противном случае они делаются отважными, предприимчивыми и даже настойчивыми» /21/.

Опыт Передового отряда выявлял еще и то, что именно стремительный характер наступления позволял сокращать боевые потери русской армии и в определенной мере обеспечивать себя за счет захваченных запасов противника. Фактов тому предостаточно.

Главнокомандующий турецкими войсками на Дунае Абдул-Керим-паша приказал пяти батальонам тырновского гарнизона держаться любой ценой до подхода высланного ему на помощь из Шумлы отряда Саффета-паши.

Однако отступление гарнизона было так поспешно, что гражданский губернатор Тырнова Саиб-паша, по словам жителей, бежал из города пешком, даже не дождавшись лошади. Потери же отряда Гурко при взятии Тырнова состояли из двух раненых нижних чинов и 8 лошадей. Полковник Нагловский вспоминал:

> «Ряд победоносных дел в долине Тунджи, бессвязные действия турок в этой долине и поспешное очищение ими Шипкинского перевала в ночь с 6 на 7 июля ясно свидетельствовали, что турки или не успели, или не сумели организовать оборону Балканских гор… » /22/.

В Тырнове отряду Гурко «достался весь турецкий лагерь», в котором русские «захватили большие боевые и продовольственные запасы». В Казанлыке войскам с турецких складов были розданы «мундирные вещи» и обувь, обнаруженные там в «значительном количестве».

7 (19) июля губернатор Филиппополя собрал представителей турецкого населения города и мусульманского духовенства. Собрание решило сдаться русским, если только они появятся у города /23/.

О панике, воцарившейся в Константинополе после появления отряда Гурко у Балканских проходов, красноречиво свидетельствуют депеши канцелярии султана:

— 2 (14) июля — отряд Гурко выходит из Хаинкиойского ущелья на южную сторону Балкан: *«Вследствие распространения неприятеля государство поставлено между жизнью и смертью»*;
— 4 (16) июля — победный бой Передового отряда у Уфлани: *«Овладение Адрианополем низведет Турецкую империю на степень Бухарского ханства»*;
— 9 (21) июля — отряд Гурко собирается в Казанлыке: *«Существование государства висит на волоске»* /24/.

Анализ переписки Гурко с полевым штабом армии в первых числах июля позволяет предположить, что в тот период главной заботой командира Передового отряда становится только одно: чтобы командование армии не упустило открывшиеся возможности и превратило бы действия его отряда в начало мощного наступления за Балканы.

Но насколько то, что отчетливо понимал Гурко, находило отклик у его начальников?

Вперед на Константинополь, а за Рущуком приглядим

Главнокомандующий русской Дунайской армией великий князь Николай Николаевич не блистал военными талантами. Однако и не надо было быть

семи пядей во лбу, чтобы разглядеть возникшие благоприятные возможности. В ночь с 26 июня (8 июля) на 27 июня (9 июля)[1] он пишет Александру II:

> «Неожиданно смелый захват Тырнова нашей удалой кавалерией под начальством молодца Гурко дает мне возможность принять план действий более смелый, чем я сперва предполагал. Я хочу теперь совсем бросить осаду Рущука, ограничившись лишь одним наблюдением за ним. Для этого назначаю XII и XIII корпуса, которые, заняв крепкую позицию на реке Янтре, будут, вместе с тем, охранять мой левый фланг. IX корпус выдвину к стороне Плевно и Ловчи для обеспечения правого фланга, а сам с VIII корпусом пойду вслед за отрядом Гурко на Тырново и далее за Балканы. Дойдя до Тырнова, я намерен приостановиться и обождать там прибытия XI корпуса, захватив до тех пор горные проходы лишь одними авангардами. Действуя таким образом, я надеюсь сберечь время, деньги и войска и принудить главные силы турок совсем бросить линию Рущук — Шумла — Варна и уйти за Балканы для защиты Константинополя. Если же турки перейдут в наступление к стороне р. Янтры, то, во 1-х, встретят там два корпуса (XII и XIII), а во 2-х, силы эти я всегда успею во время подкрепить» /25/.

7 (19) июля Н.П. Игнатьев писал, что, по его мнению, Николай Николаевич будто бы предполагал заманить «Абдул-Керима в открытый бой перед осадой Рущука», а «неосторожным» движением части войск за Балканы «непомерно» растянул свои силы. По оценке Игнатьева, главнокомандующему «надо было наступать на Осман-Базар, принудить турецкую армию принять бой, разбить ее» и только тогда смело наступать за Балканы. Однако уже спустя три дня Игнатьев напишет, что «турки не хотят принимать ожидавшейся на р. Лом битвы» и уходят к Рущуку /26/. Но ведь турки также могли уклониться от сражения и в случае наступления русских на Осман-Базар. В итоге — пустая потеря времени и ресурсов. Так что подобный сценарий вряд ли можно назвать перспективным. Да и сама трактовка намерений главнокомандующего здесь явно не точна.

Нацеленность на заманивание восточной турецкой группировки в открытое полевое сражение — неважно где, у Рущука или Осман-Базара, — предполагала перенос стратегических акцентов на левый фланг русской армии. Именно здесь были сосредоточены основные силы противника. Но как видим, в конце июня 1877 г. главнокомандующий стремился реализовать принципиально иной стратегический сценарий. Он стремился за Бал-

---

[1] В книге В.А. Золотарева «Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. — апофеоз восточного кризиса», изданной в 2005 г., на 279-й странице это письмо ошибочно датировано 9 (21) июля 1877 г.

каны, где было меньше всего турецких сил и откуда он мог реально угрожать османской столице. Нацеленность на этот план у Николая Николаевича была так сильна, что ей не помешало даже поступившее в то время сообщение, «что турки вышли в значительных силах из Рущука и наступают к Систову». 27 июня (9 июля) Николай Николаевич совершенно спокойно информировал об этом наступлении императора: «Что из этого выйдет — пока еще не знаю» /27/. За Рущуком, как и за войсками всей восточной группировки противника, главнокомандующий предполагал наблюдать на оборонительных позициях. Сил для этого на левом фланге русской армии было достаточно, да и рельеф местности вдоль реки Янтры создавал естественную преграду и благоприятствовал возведению крепких оборонительных позиций.

Планируя наступление к Тырнову и далее за Балканы, главнокомандующий исходил из расчета, что XI корпус должен был переходить Дунай 2 (14) июля и за пять переходов достичь Тырнова. Фактический срок переправы XI корпуса совпал с расчетным. Таким образом, логично предположить, что масштабное наступление за Балканы великий князь планировал на 8–10 (20–22) июля 1877 г.

Некоторые позднейшие авторитетные исследователи русско-турецкой войны считали такой план наиболее эффективным в сложившейся к началу июля обстановке /28/. Но это уже являлось пониманием post factum. А тогда…

А вот тогда Александр II не согласился с представленным планом. Вечером 28 июня (10 июля) из Зимницы он отвечал брату:

> «…не могу не выразить тебе моих опасений, что дальнейшее наступление за Балканы мне кажется слишком рискованным, пока значительные силы неприятеля у Рущука и под Шумлою не отступят из занимаемых ими сильных позиций, откуда они могут угрожать нашему левому флангу. То же можно сказать и про наш правый фланг, где у нас всего один IX корпус, пока Никополь еще в руках неприятеля, равно и Плевна».

Император также серьезно опасался, что после переправы трех бригад XI корпуса на левом берегу Дуная «почти ничего не останется до прихода IV корпуса». А на одних румын, как он писал, «рассчитывать много нельзя, и если турки бы решились сами перейти в наступление от Видина в Румынию, то могли бы угрожать нашим сообщениям» /29/.

Дореволюционная и современная историография Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. сюжет о том, как Александр II охладил наступательный пыл своего брата-главнокомандующего, рассматривала прежде всего с точки зрения альтернатив ведения войны. Но не менее интересен и другой вопрос: а как вообще было принято такое решение?

Если обратиться к журналу полевого штаба Дунайской армии и дневнику военного министра Д.А. Милютина, то картина вырисовывается весьма любопытная. 26 июня (8 июля), получив телеграмму главнокомандующего о занятии Тырнова, Александр II вечером того же дня извещает Николая Николаевича о своем желании увидеться с ним. И на рассвете 27 июня (9 июля) он мчится к главнокомандующему за Дунай в Царевец из Зимницы вместе с Милютиным. В 8 часов утра император прибывает в Царевец, где наедине беседует с великим князем. В это время Николай Николаевич и вручает императору текст своего «более смелого» плана. После завтрака и молитвы по случаю взятия Тырнова отрядом Гурко Александр II возвращается в Зимницу.

Этот челночный визит императора к брату-главнокомандующему за Дунай, как и их короткое совещание, происходил а фоне радостного воодушевления от победы 25 июня (7 июля) — взятия Тырнова. Александр II был в прекрасном расположении духа, и, что самое интересное, утром 27 июня (9 июля) он не возражал против смелого плана Николая Николаевича. Именно этим можно объяснить тот факт, что «по приказанию великого князя» на следующий день, 28 июня (10 июля), начальник полевого штаба Дунайской армии генерал-адъютант А.А. Непокойчицкий в письме военному министру Милютину конкретизировал положения «более смелого» плана соответствующим расчетом движения различных частей армии. Он также отмечал, что «главнокомандующий полагал бы полезным придвинуть ныне же одну или две пехотные дивизии к армии, для усиления ее» /30/.

Однако 28 июня (10 июля) ситуация в Зимнице начала резко меняться. До императорской главной квартиры стали доходить более подробные сведения о взятии Тырнова. И здесь, по словам Милютина, обнаружилось, что данное событие «вовсе не имело той важности, которую ему сгоряча придали по первой телеграмме». В то же время поступила «прискорбная телеграмма» от главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича о снятии осады Карса, общем отступлении русской армии к государственной границе и переходе на кавказском театре военных действий к обороне в ожидании подкреплений из России. А поздно вечером Милютин зачитал государю полученное им письмо Непокойчицкого.

Вот теперь, представив такой, не внушающий оптимизма информационный фон вечера 28 июня (10 июля) — дня, когда Милютину исполнился 61 год, — предоставим слово самому военному министру:

> «Я воспользовался случаем, чтобы представить государю некоторые соображения относительно составленного великим князем плана действий, по моему мнению, крайне рискованного и даже безрассудного. Видно, мои объяснения произвели свое действие, потому что го-

сударь вчера же поздно (т. е. 28 июня (10 июля). — *И.К.*) написал в этом смысле письмо главнокомандующему» /31/.

В каком «смысле» было это письмо, мы уже знаем.

Итак, утром 27 июня (9 июля), слушая изложение «более смелого» плана главнокомандующего, Александр II возражений не высказывает, однако вечером 28 июня (10 июля), наедине уже с Милютиным, он этот план отвергает и письменно уведомляет об этом великого князя.

Что это? Плод более глубокого размышления? Наверное, ведь, как признавался сам Александр II, он, выслушав соображения брата, «с тех пор… много об этом думал…» /32/. Но что реально изменилось? Осложнилась ли обстановка для русской армии? Нет. На дунайском театре военных действий для русских ухудшилась не текущая реальность, а только лишь представления о тенденциях ее развития в сознании военного министра и императора. Представления же эти сформировались под воздействием печальных сообщений, поступивших к вечеру 28 июня (10 июля). В результате выбор был сделан в пользу предотвращения лишь опасений, т. е. того, что еще только могло случиться. А ведь могло и не случиться, при условии смелого формирования иной, выгодной реальности путем решительной поддержки уже осуществляемых успешных наступательных действий.

О многом говорит ответ Николая Николаевича, направленный Александру II из Поликраешти вечером 29 июня (11 июля):

«В моем новом плане действий я отнюдь не намеревался и не намерен двигаться далее за Балканы, *пока не узнаю, что будет делать неприятель* (курсив мой. — *И.К.*)».

А «пока не узнаю», то: 1) занятием одного или двух балканских проходов «хочу ограничиться»; 2) пехотные дивизии VIII корпуса остаются на севере Балкан (9-я — в Тырнове и Габрове, 14-я — у Боруша); 3) далее же — действовать по обстоятельствам, «когда… найду возможным и нужным воспользоваться успехом, бывшем в Тырнове».

Такой новый алгоритм действий был представлен императору спустя всего двое суток после изложения ему «более смелого» плана наступления.

Потеря стратегической инициативы и попадание в зависимость от действий противника при таком мышлении главнокомандующего были просто неизбежны. Николай Николаевич явно попытался дезавуировать «смелость» своего плана, поэтому просимые им дополнительные дивизии были представлены в письме как необходимые не для укрепления резервов армии, а для охраны «своего возлюбленного Императора» /33/.

Упущенная победа

«Знаете, Фандорин, у меня какое-то нехорошее предчувствие: уж больно гладко началась эта война». Так в фильме «Турецкий гамбит» комментирует начальный период военных действий жандармский генерал Мизинов[1].

8 (20) июля к Казанлыку стягиваются все части Передового отряда, а Шипкинский перевал занимают роты 36-го Орловского пехотного полка из бригады генерал-майора Дерожинского.

Утром того же дня Гурко принимает решение дать войскам трехдневный отдых и 12 (24) июля перейти в наступление в долину реки Марица. Сначала «план наступления был принят лишь в принципе» /34/. В тактических целях Гурко предполагал определиться по ходу наступления: или на Ени-Загру (Нова-Загору), или далее на юг — на железнодорожный узел Тырново — Семенли. Итоговой же целью наступления должен был стать Адрианополь. Два письма с изложением этого плана и просьбой о подкреплениях он 8 (20) июля отправляет главнокомандующему.

Гурко напоминал великому князю, что в его распоряжении мало пехоты и страшно измотанная кавалерия, а Кавказскую бригаду полковника Тутолмина ему так и не вернули. «…Посему прошу ваше высочество, — писал Гурко, — придать мне регулярную бригаду 13-й кавалерийской дивизии и возвратить мне 30-й казачий полк»[2]. Просил также Гурко и одну пешую 9-фунтовую батарею, которой хотел усилить своих стрелков. Одновременно он рассчитывал на поддержку батальонов 9-й пехотной дивизии, прибывающих в район Габрово и Шипкинского перевала. Получив подкрепления и «оставив в Казанлыке часть болгар с 8 горными орудиями», остальные войска Гурко намеревался двинуть в наступление. «Промешкаю я здесь день, — писал Гурко главнокомандующему, — и могу лишиться всех выгод моего настоящего, грозного для турок, положения» /35/.

Строя планы дальнейшего решительного наступления, Гурко серьезно рисковал. Но этот риск был оправдан. Он писал:

> «Стоя на месте, мы ничего не достигнем, напротив рискуем все потерять: турки несомненно опомнятся от страха… и, перейдя в наступление в значительно превосходных силах, без сомнения, вытеснят нас

[1] Фамилия Мизинов явно созвучна фамилии Мезенцев. Н.В. Мезенцев являлся шефом Отдельного корпуса жандармов и начальником Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В начале кампании Мезенцев находился в действующей армии при особе императора.

[2] 30-й Донской казачий полк был оставлен Гурко в Габрове для действий против турецких войск на Шипкинском перевале в составе отряда генерал-майора Дерожинского, но затем не был возвращен в Передовой отряд и получил другое назначение.

> из долины Тунджи. Напротив того, перейдя тотчас в дальнейшее наступление, мы имеем шанс нанести туркам еще несколько поражений и во всяком случае можем отодвинуть их дальше от проходов и тем выиграть время. При дурном же исходе наступления, отряд, пользуясь превосходством в кавалерии, всегда может благополучно отойти к Казанлыку и перейти к пассивной обороне Шипкинского перевала» /36/.

«Главное — не дать им нас пересчитать» — эту фразу на Праценских высотах во время битвы при Аустерлице 20 ноября (2 декабря) 1805 г. бросил полковник Пузе. Его 10-й полк легкой пехоты в составе частей дивизий Сент-Илера и Вандамма буквально вломился туда, оттеснив русские батальоны (37). На глазах у численно превосходящего противника французы овладели ключевой позицией всей битвы, что явилось главным действием на пути к величайшей победе их императора. Спустя семьдесят лет лейтмотив французского полковника стал не менее актуальным для русского генерала Гурко, в руках у которого оказался свой ключ к победе — балканские перевалы.

Но ответ Александра II уже был доставлен Николаю Николаевичу. И за «стоп-приказом» русского главнокомандующего последовало его логическое развитие. В «Описании Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове», подготовленном Военно-исторической комиссией Главного штаба, читаем:

> «…вследствие замечаний императора Александра, решено было, прежде всяких дальнейших действий за Балканами, выждать прибытия не только XI, но и IV корпуса, который мог собраться на правом берегу Дуная только в половине июля» /38/.

Очевидно, что подобное изменение планов должно было, прежде всего, отразиться на судьбе Передового отряда.

Если рассматривать послания командования в адрес Гурко, то нельзя не заметить, что в них явно появлялись новые нотки. Так, если 4 (16) июля Непокойчицкий еще сообщает Гурко, что «ввиду приближения войск XI корпуса и 13-й кавалерийской дивизии (из состава XIII корпуса. — *И.К.*) главнокомандующий "изволил признать возможным двинуть в проходы Балкан на поддержку вашего отряда всю 9-ю пехотную дивизию"[1]», то уже 8 (20) июля сам великий князь пишет Гурко:

---

[1] 9-я пехотная дивизия генерал-лейтенант Н.И. Святополк-Мирского, входившая в состав VIII корпуса (командующий — генерал-лейтенант Ф.Ф. Радецкий), включала: 1-ю бригаду генерал-майора И.А. Борейши (33-й Елецкий и 34-й Севский пехотные полки — всего 6 батальонов) и 2-ю бригаду генерал-майора В.Ф. Дерожинского (34-й Брянский и 36-й Орловский пехотные полки — также 6 батальонов). Численность дивизии по состоянию на 16 (28) июля 1877 г. составляла 11 950 человек. *См.:* Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 1. СПб., 1900. С. 14.

«На перевале Хаинкиой будет 1-я бригада 9-й дивизии; 14-я дивизия и я пока в Тырнове, двинуться пока не могу вперед, пока не раскроется или объяснится дело с Рущуком. Об общем движении вперед дам тебе знать в свое время. Собирай сведения о неприятеле возможно подробно и доноси чаще» /39/.

И… восхваления, восхваления в адрес Гурко и его отряда…

А ведь только неделю назад Николай Николаевич намеревался «совсем бросить осаду Рущука»! Гурко, разумеется, не был осведомлен ни о «смелом плане» главнокомандующего, ни о реакции на него императора. Но трудно было не почувствовать, что Николай Николаевич чем-то серьезно озабочен.

Вечером 8 (20) июля, уже после того, как два письма с изложением плана дальнейших действий Передового отряда были направлены главнокомандующему, до штаба Гурко доходят первые сведения о месте высадки корпуса Сулеймана-паши и его движении к Адрианополю. Немедленно Гурко начинает планировать встречное наступление. Но утром 9 (21) июля он получает, написанное накануне, письмо Николая Николаевича…

Для Гурко становилось очевидным, что в то время, как он был настроен на понимание роли своего отряда как авангарда быстро наступающей армии, эта самая армия притормаживала, оставалась за Балканами, а ее главнокомандующий вместо своевременных резервов посылал ему советы «с пехотой далее Тунджи» не идти, «шнырять по всем направлениям кавалерией» и собирать сведения о противнике. И это в тот момент, когда за Балканами выпадал реальный шанс разбить противника по частям.

Первые сведения о переброске на театр военных действий турецкого корпуса из Черногории дошли до полевого штаба армии 2 (14) июля. Силы корпуса оценивались в 25–30 тыс. человек /40/. Сами же турки определяли силы Сулеймана-паши в 20–22 тыс. пехоты и около 1 тыс. кавалерии[1]. Полковник Торси и вовсе ограничивал силы герцеговинского корпуса 20 тысячами /41/. Пунктом назначения переправляемых турецких частей, по одним донесениям, являлся Адрианополь, по другим — Варна. Полевой штаб русской армии склонялся ко второму варианту и рассчитывал при этом на усиление именно восточной группировки турок в четырехугольнике крепостей.

Однако 8 (20) июля в полевом штабе армии было получено известие, что «турецкие войска Сулеймана-паши, отправляемые морем из Антивари, вы-

[1] Спустя пять месяцев, в самом начале января 1878 г., после поражения под Филиппополем Сулейман-паша был обвинен в государственной измене и арестован. Судили его, что называется, «по совокупности» и припомнили все, в том числе действия Сулеймана против отряда Гурко в июле 1877 г. 20–22 тыс. пехоты и около 1 тыс. кавалерии — именно такие данные о численности корпуса, прибывшего из Черногории, были оглашены на судебном процессе. *См.:* Военный сборник. 1879. № 1. С. 143.

саживаются в устье реки Марицы у Эноса и направляются к Адрианополю» /42/. После высадки Сулейман-паша времени даром не терял. Уже 9 (21) июля он с двумя таборами прибыл в Адрианополь и решил перебросить свои силы по железной дороге в Карабунар — станцию на пути из Тырнова — Семенли в Ямбол. 10–13 (22–25) июля части Сулеймана начали стягиваться в Карабунар. Для русских ситуация окончательно прояснилась: герцеговинский корпус предназначался для прикрытия линии Адрианополь — Константинополь и контрудара по прорвавшимся за Балканы русским отрядам. На Передовой отряд надвигалась серьезная угроза.

В то же время в среде русского командования начинала нарастать тревога за последствия сложившегося расположения частей армии. Так, 10 (22) июля Дерожинский писал Радецкому:

> «…переход через Дунай вскружил нам голову, и мы начали слишком пренебрегать турками; *как бы не поплатиться за чрезмерную разбросанность войск*» (курсив мой. — *И.К.*) /43/.

Вот тут-то в гораздо большей степени, чем письмо императора, в ход войны вмешалась Плевна. Даже не столько сами события под Плевной, как таковые, сколько их оценка русским командованием и принятые на этой основе решения.

10 (22) июля Гурко получает письмо от начальника штаба армии, отправленное ему накануне. Непокойчицкий извещал о неудаче, постигшей части IX корпуса при столкновении с превосходящими силами Османа-паши под Плевной. Обрисовав принятые в связи с этим изменения в дислокации частей армии, начальник штаба писал:

> «В этом положении при неразъяснении, какой оборот дела примет наступление противника от Плевно, великий князь полагает необходимым, чтобы ваше превосходительство не удалялись с пехотою далее Казанлыка, наоборот, на случай неблагоприятного исхода дел быть готовым занять пехотою проход и тем освободить части 9-й пехотной дивизии для другого направления» /44/.

Итак, для Гурко угроза со стороны Сулеймана-паши усиливалась фактором «Плевны». Письмо Непокойчицкого обрекало Передовой отряд на пассивное прикрытие проходов в ожидании турецкого наступления. В представлении же Гурко распоряжения штаба армии вели не только к полной потере инициативы и достигнутых успехов, но, в случае наступления противника, подталкивали его отряд в смертельную ловушку.

10 (22) июля в письме к главнокомандующему Гурко соглашался, что «движение на Адрианополь было бы безумием» в новых условиях. Однако он не оставлял планов активных наступательных действий и просил «притянуть» к Казанлыку прибывшую к Хаинкиойскому перевалу 1-ю бригаду

9-й пехотной дивизии генерал-майора И.А. Борейши /45/. Силы бригады на тот момент состояли из шести батальонов пехоты, двух батарей четырехфунтовых орудий и полутора сотен казаков.

Равнинная казанлыкская позиция у подножия отвесных гор при узкой долине реки Тунджи, по мнению Гурко, была слишком уязвима. Поэтому действия своего отряда совместно с бригадой генерала Борейши он предполагал перенести южнее — в район Эски-Загры (Стара-Загоры). Туда же — и защиту Шипкинского перевала /46/. Предлагая убрать бригаду Борейши с Хаинкиоя, Гурко прекрасно понимал, что этим действием перевал фактически сдавался туркам. Но такой жертвой он добивался концентрации сил двух отрядов и тем самым укреплял оборону гораздо более перспективного перевала — Шипкинского. Выполняя замысел Гурко, 10 (22) июля Казанский драгунский полк с сотней казаков и взводом конной артиллерии занял Эски-Загру.

Именно из этого города 12 (24) июля начинаются разведывательно-диверсионные набеги конницы Передового отряда. Как видно из донесений Гурко главнокомандующему, в течение шести июльских дней, с 9 (21) по 15 (27), он все еще пребывал на распутье: ударить ли по Реуфу-паше в Ени-Загре на востоке или же сразу двинуться вперед на юг /47/. Уже не дни — неумолимо летели часы, и Гурко понимал, что обстоятельства принуждают его выбрать первый вариант, хотя он сам склонялся ко второму. Уж больно заманчивая открывалась перспектива. На основании сведений об активной подготовке к перевозке частей корпуса Сулеймана-паши в штабе отряда сначала предположили, что концентрироваться эти части будут у моста Тырново — Семенли под прикрытием реки Марицы. Исходя из этого, Гурко планировал овладеть железнодорожным узлом Тырново — Семенли, не дать сосредоточиться прибывающим по железной дороге частям Сулеймана-паши и разбить их по частям. И для этого, как писал Гурко великому князю, «не потребуется больших сил» /48/.

Еще раз: что предлагал командованию армии Гурко? Снять большую часть сил с перевалов, укрепить ими свой отряд и перейти в наступление на еще не сосредоточенную армию противника. Таким образом, удержание захваченных балканских перевалов начиналось бы не с пассивной обороны, а с активного наступления. Бонапарт и Суворов аплодировали бы И.В. Гурко.

Но 9 (21) и 10 (22) июля Гурко получил два не внушавших оптимизма письма Николая Николаевича и Непокойчицкого. А 11 (23) июля начальник штаба армии известил командира Передового отряда, что «для обеспечения правого фланга и тыла войск, занимающих Габрово и Шипку, направлен один полк (35-й Брянский. — *И.К.*) 2-й бригады 9-й пехотной дивизии от

Габрова на Сельви» /49/. Вместе с полком в Сельви направилась и 3-я батарея 9-й артиллерийской бригады. Таким ходом штаб армии хотел подстраховаться на случай наступления Османа-паши через Ловчу на Сельви и Габрово для удара в тыл русским войскам на Шипке.

Однако передвинутый в сторону Сельви Брянский полк ровным счетом ни на что там не влиял и бездействовал, тем временем как Габровский отряд был этим маневром ослаблен. Это был порочный ход по принципу затыкания дыры там, где еще и трещина не появилась. Штаб русской армии начинал нервно действовать под грохот «турецких барабанов» Османа-паши. Прямым же результатом этого явилось дальнейшее растягивание русских сил и их ослабление на южном фронте, где к тому времени разыгрывались главные события. Ведь было же совершенно очевидно, что Габровский отряд стоял за спиной Гурко и быстрее всего мог поддержать его своими батальонами, на что командир Передового отряда явно рассчитывал.

На следующий день, 12 (24) июля, Непокойчицкий сообщил Гурко, что «Великий Князь Главнокомандующий… не считает возможным перемещать ныне 1-ю бригаду 9-й пехотной дивизии от Хаинкиоя» /50/. Таким образом, в просьбе Гурко о присоединении к нему этой бригады было отказано. И только 14 (26) июля великий князь все же «признал возможным» отдать эту бригаду в распоряжение Гурко. На следующий день помощник начальника штаба армии генерал-майор К.В. Левицкий подтвердил это решение главнокомандующего и одновременно известил Гурко, что просимая им 9-фунтовая батарея «назначена» в его распоряжение и вечером того же дня выступает на Казанлык (51). Наконец-то! Но время было потеряно.

14 (26) июля история с ослаблением Габровского отряда получила свое развитие. Непокойчицкий уведомил Гурко, что в связи с началом наступления войск Османа-паши на Ловчу утром 13 (25) июля «ваше превосходительство должны немедленно двинуть 4-ю стрелковую бригаду на Шипкинский перевал на смену Орловского полка». Получалось, что одни пехотные батальоны штаб армии Гурко давал, но другие — тут же забирал. Благо, что 15 (27) июля этот приказ все же отменили. «Никакого наступления неприятеля от Плевны на Ловчу не было; турки по-прежнему стоят на позиции», — сообщал генерал Левицкий /52/. 13 (25) июля турки лишь предприняли в сторону Ловчи усиленную кавалерийскую разведку. Однако уже через два дня, 15 (27) июля, посланный из Плевны отряд Рифата-паши (от трех до четырех тысяч человек) все же занял Ловчу, вытеснив оттуда слабый отряд подполковника Бакланова в две сотни казаков при двух орудиях /53/. Таким образом, несмотря на превосходство в кавалерии и понимание стратегической важности Ловчи, этот пункт на шоссе из Плевны в Габрово русское командование все же проморгало.

Догадывался об этом Осман-паша или нет, но, заняв Ловчу, он оказал Сулейману-паше просто неоценимую услугу: спровоцировал усиление опасений своего наступления и тем самым заставил русское командование, вместо укрепления южного направления у Габрова, стягивать дополнительные силы на северо-запад к Сельви. Именно сюда 17 (29) июля на соединение с Брянским направляется 53-й Волынский полк от 14-й пехотной дивизии вместе с 1-й батареей 9-й артиллерийской бригады.

В итоге всех этих импульсивных решений штаба русской армии очевидные возможности поддержки Передового отряда быстро таяли, а сам отряд терял драгоценное время.

Что в этих условиях оставалось делать Гурко? О наступлении на железнодорожный узел Тырново — Семенли пришлось забыть. Но и отдавать противнику долину Тунджи Гурко был не намерен. Он выбирает вариант удара по частям Реуфа-паши в Ени-Загре и меняет базу с Шипки на Хаинкиой. Гурко надеялся, что с Плевной будет скоро покончено. А пока… Пока надо маневренными действиями выиграть время. Выбить Реуфа из Ени-Загры, закрепиться там и, пользуясь превосходством в кавалерии, действовать во фланг наступающему герцеговинскому корпусу. 17 (29) июля тремя колоннами отряд Гурко начал движение в общем направлении на Ени-Загру.

Но в этот же день началось и турецкое наступление. Целью была выбрана Эски-Загра. С юга, от Карабунара, сюда двинулись батальоны Сулеймана-паши, а с востока, от Ени-Загры — Реуфа-паши.

Таким образом, опасаясь только возможного «наступления противника от Плевны», русское командование своевременно не поддержало Гурко, позволило частям корпуса Сулеймана-паши сосредоточиться и напоролось на его мощное наступление, начало которого стало неожиданностью для Гурко. Под натиском превосходящих турецких сил части Передового отряда вынуждены были отступить и вернуться на северную сторону Балкан. А вот теперь проследуем к Плевне.

Глава 2

«Берегись Плевны!»

После войны ходила такая байка, будто бы перед ее началом Александр II в шутку поинтересовался у цыганки возможными итогами очередной русско-турецкой схватки. И цыганка ответила: «Берегись Плевны!»[1]

Сцена из фильма «Турецкий гамбит»: палатка «журналистского клуба» в расположении русской армии; входит английский корреспондент Маклафлин. *«Сенсация, господа, — Криденер взял Никопол!»* — спешит сообщить он голосом неувядающего Даниэля Ольбрыхского. *«Как Никополь?!* — вскакивает с кресла ошарашенный этим известием Фандорин. — *Как Никополь? Вы хотели сказать Плевну!»*

Заложенная Б. Акуниным в романе и фильме идея стратегического преимущества Плевны перед Никополем полностью отражает реалии начала войны. И такое понимание в равной степени относилось к обеим противоборствующим сторонам, достаточно лишь внимательно посмотреть на карту театра боевых действий.

Переправа частей IX корпуса у Зимницы была окончена к вечеру 25 июня (7 июля). В это же время на бивуак у деревни Ореше собрались го-

[1] Это, в частности, слышал, находясь в русском плену, восемнадцатилетний Фредерик Уильям фон Херберт. Незадолго до начала войны он поступил офицером на службу в турецкую армию. Оказавшись в Видине в войсках Османа-паши, Херберт стал участником всех последующих плевненских событий от их начала и до конца — с июля по ноябрь 1877 г. Позднее он описал эти события в своей книге «Оборона Плевны: 1877». *См.: Herbert Frederick William von.* The Defence of Plevna: 1877: Written by One who took part in it. Lexington: Elibron Classics. 2004. P. 124. (Данная публикация является полным факсимильным воспроизведением лондонского издания книги 1895 г.)

Рецензия

на монографию Козлова И.А. «По следам «Турецкого гамбита», или Русская «полупобеда» 1878 года. М., «Этерна». 2014. 719 с.

Общеизвестно, что в исторических исследованиях точка никогда не будет поставлена. В объёмной книге автора, раскрывающей виды России на черноморские проливы в 1877-1878 гг., подняты пласты русской историографии, использован солидный исторический материал и дана ревизия национальных целей страны с позиций «державного эгоизма» в период 1870-1890-х годов. Противоборство с турками включало три направления - балканское, кавказское и морское. Хотя И.А.Козлов рассмотрел только первое из них и не использовал турецкую литературу, это не нанесло ущерба его сквозной концепции: *«Под флагом освободительной войны надо было вынашивать стратегию… полного вытеснения турок в Азию и овладения берегами Верхнего Босфора, что превращало бы Чёрное море в «русское озеро».* Треть книги посвящена военным операциям на Балканах 1877-1878 гг., две трети – дипломатическим схваткам Российской, Британской, Германской и Австро-Венгерской держав за наследство угасавшей Османской империи. Внятно реконструирована подоплёка действий русского командования и дипломатов, представлена вариативность исторических событий, сопоставлены русские планы войны с такими же «не отлаженными и пассивно-оборонительными» турецкими, прослежено изменение обстановки на театре военных действий. Справедлива критика эмигрировавшего из СССР в 1974 г., американского историка А.Л.Янова, о якобы никчёмности целей войны 1877-1878 гг. и отвратной её подготовке. Как известно, в историческом процессе над политической конкретикой всегда главенствуют идеи. «Если нации не будут жить высшими бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим «интересам», то погибнут эти нации несомненно»[1]. Пафос великого дела - освобождение соплеменных народов, порыв общественности, «воинственную горячку»[2] консерваторов, либералов, западников, царедворцев и народовольцев, половина которых поднялась «за славян» - всё это автор неосторожно трактует как «перегретые мозги славянофилов». «Взращивание славянской государственности на Балканах в надежде на её развитие в русле российских интересов - это пустой плод … идеологии славянского заступничества», «головная боль» для России - таково кредо автора, подобно убеждению героя Крымской войны, генерала Э.И.Тотлебена, лишённого чувства славянской солидарности. Автор упрекает императора Александра II, который заступился за болгар, но не осмелился воевать «именно для себя» - владеть Босфором. «Ведомство канцлера Горчакова просто из кожи лезло в попытках сколотить единый общеевропейский блок давления на Порту» (С.336) .«Ненадёжные славянские сателлиты, отсечённые от Турции российским контролем над проливами, в конце концов сами разобрались бы с лоскутной империей Габсбургов и пошли своим путём без всякого бремени со стороны России» (с. 305-307).Да, всеобщего восстания в Болгарии не произошло, против вооружённой борьбы выступали болгарские чорбаджи. Более того, часть болгар шпионила против русских «за

[1]См. Война на Балканах. Ф.М.Достоевский. Из Дневника писателя. 1876-1877 годы. М.,1999.

[2] Воейков В.В. От Дуная и до Царьграда 1877-1878. Записки участника. М.,2008. С.7.

вознаграждение или вовсе не желали падения турок». «Многовековое подчинение … порождало устойчивых конформистов, шпионивших в пользу турок» (С. 86).Но зверская резня 30 тысяч болгар в 1876 г. всколыхнула Россию. В Сербию в 1876 г. прибыло 4-5 тыс. волонтёров, сражавшихся под командой генерала М.Г.Черняева. (В 1992-1999 г г. за сербов в Югославии воевало всего несколько сотен русских добровольцев). Умалять небывалый в истории России славянский энтузиазм и поддержку Русской освободительной армии, спасавшей балканских христиан (и армян) от геноцида - ошибочно. Русские солдаты умирали не за проливы, а за освобождение болгарских братьев. Это был подвиг России.[3] Можно согласиться с тем, что после 1878 г. «лидеры освобождённых славян отчаливали к берегам «объединённой» Европы». Недоумевать по этому поводу напрасно - самодержавная Российская империя политически и экономически была менее привлекательна, чем высокоиндустриальные европейские страны с богатым рынком. (Точно также неразумно удивляться, что в XXI в. страны «соцлагеря», бывшие союзные республики СССР (и славянская Украина) наперегонки из-под контроля освободившей их «демократической» России переметнулись к «прогрессивному» Западу). Вместе с тем хочется надеяться, что славянская взаимность не отмерла и переживает временный спад. Много внимания в книге уделено психологическим характеристикам верховных лиц. Мужество солдат противопоставлено неуверенности верхов Российской империи и слабому профессионализму командного состава. Действительно, штаб главнокомандующего великого князя Николая Николаевича был «составлен из ничтожеств» (так писал болгарофил Н.П.Игнатьев). «Вовсе не подготовлены ни главнокомандующие, ни корпусные командиры» (Д.А.Милютин). «Куда ни повернись - везде недомыслие и беспомощность, боязнь ответственности». «Разлагающимися человеческими останками» назвал тяготившуюся полевой жизнью свиту императора лейб-медик С.П.Боткин.[4] И.А.Козлов согласен с разумностью плана генерал-лейтенанта Н.Н.Обручева - избежать «капканов крепостных войн» в Причерноморье, нацелить «русский блиц» 300-тысячной русской армии при 774 орудиях на главную цель – Стамбул и уничтожить владычество османов на балканском полуострове. Наступление отряда генерал-лейтенанта И.В.Гурко, который 1 июля перешёл Балканы, давало победную перспективу и ключ к Стамбулу. 9 июля 1877 г., канцелярия султана считала, что «существование государства висит на волоске» (с.32). Но стратегической ошибкой стала «полувойна», разброс войск «веером» и концентрация сил у Плевны («захолустная Плевна превратилась на значительное время в узловой пункт всей войны»). В июле 1877 г. обнаружилось, что «турки – не чурки» и хорошо вооружены в связи с тем, что флот России на Атлантике и Средиземном море отказался от борьбы с турецкими перевозками оружия и боеприпасов (Н.В.Скрицкий). За осторожность и колебания командования армии пришлось «сполна расплатиться жизнями своих солдат». Провал трёх лобовых штурмов густыми колоннами 8,18 июля и 30 августа и «сидение» под Плевной произошли из-за низкого качества армейского руководства, неточности приказов, диспозиций и нерадивости разведки и в немалой мере из-за умелой обороны мушира (маршала) Османа Нури-паши. «Возня» под Плевной была «очевидным абсурдом, бессмысленным растворением стратегических целей в тактических задачах» - так переживает автор за «трусоватость» командования при одновременном восхищении «летающей над полем шаровой молнией» - генерал-майором М.Д.Скобелевым. Третий кровавый приступ вызвал отчаяние и спад духа

[3] Косик В.И. Футурология прошлого (К вопросу об исторической памяти) // Россия и Болгария . К 125-летию русско-турецкой войны 1877-1878 гг.. М.,2006. С.144, 148

[4] Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Спб.,1911. Т.2. С.377.

начальства, начиная с полковника и кончая «придавленным страхом» Александром II. 1 сентября 1877 г. собрались отступать за Дунай! (Можно добавить, что война могла бы обернуться не «полупобедой», а поражением, как Крымская, Русско-японская и Первая мировая). Благодаря Д.А. Милютину было предотвращёно отступление в Румынию. Вряд ли следует усматривать основную причину колебаний в измельчании натур военного руководства. Русско-османское противоборство 1877-1878 гг. пришлось на вековой спад Российской империи (после «золотого века Екатерины»), и трёхвековое разложение османского режима (после апогея мощи в середине XVI в.). До краха обеих империй (а также и Австро-Венгрии) оставалось всего четыре десятка лет. Русское самодержавие уже не могло вдохновлять военную элиту, как во времена битв у Ларги, Рымника и Бородино. (Сильные личности - Б.Дизраэли и О.Бисмарк появились на подъёме Британской и Германской империй). Противоположные точки зрения автор не считает возможным учитывать. Неоправданна «расправа» автора с «престарелым» канцлером А.М.Горчаковым, у которого не исчез страх Крымской войны и которого преследовал кошмар европейских коалиций (с.194). Автор излишне доверчиво относится к брошенным вскользь замечаниям современников о метаниях, о «выжившем из ума эгоисте», о «немощности», «детском состоянии», «полном расслаблении умственных способностей» канцлера. В 1875-1877 гг. Горчаков и Александр II «как чёрт от ладана открещивались» от Восточного вопроса, считает автор. Виднейший русский дипломат обладал громадным кругозором и опытом в международной политике. Принимая «балканские» решения, он сообразовывался с набором тем от Атлантики до Тихого океана (дальневосточной, среднеазиатской, кавказской и афганской). После перехода к обороне под Плевной «требовалось незамедлительно подкрепить действия Гурко за Балканами» - справедливо констатирует автор и тут же переходит к зыбкой гипотезе: после капитуляции под Плевной 43 338 аскеров, русский «военный каток мог выдавить империю Османов из Европы обратно в Азию». (Здесь И.А.Козлов солидаризуется с речью главы Московского славянского общества И.С. Аксаковым 28 июня 1878 г.: «очистить Царьград от азиатской скверны»).Опрометчивыми можно назвать изречения о русском позорном «оцепенении в нерешительности в двух переходах от Царьграда». Да, 9 января 1878 г. Александр II был не прочь увидеть крест на Святой Софии, а главнокомандующий Николай Николаевич «проникся стремлением… занять Галлиполи и Дарданеллы». Верно, что офицерство мечтало закончить войну парадом в Константинополе. Но Горчаков и Милютин резонно опасались, что «вся Европа опрокинется на нас». Рисковать войной против коалиции было нельзя. Даже воинственный Н.П.Игнатьев писал, что «в Петербурге веры нет в своё Отечество», что нравственное разложение, паралич воли, животворящей мысли, воровство и неумелость администрации таково, что «волосы дыбом становятся!»[5] 12 января Александр II предписал «ни в коем случае» не действовать на Галлиполи и не провоцировать англичан. Объяснять это малоумием русской «пирамиды неудачников» и «зашкаливающим безволием и страхом» императора опрометчиво. Заявления Александра II о «незаинтересованности в территориальных приобретениях за счёт Турции» объясняются тем, что державный вес мировой Британской империи, претендовавшей на исключительное влияние в Средиземном море, Египте, Стамбуле, Персидском заливе, Индии, Афганистане, Иране, Ираке и бассейне Индийского океана, был выше, чем у России. Британская пропаганда к тому же раздувала угрозу «русских

---

[5] Игнатьев Н.П. Походные письма 1877 г. Письма Е.Л.Игнатьевой с балканского театра военных действий. М., 1999. С.162, 265.

клещей», которые якобы через Балканы, Стамбул и Среднюю Азию протянутся к Индии. Русскую угрозу Суэцкому каналу в районе черноморских проливов Биконсфилд считал возможным предотвратить 20-ю тысячами британцев и русская дипломатия приняла «унизительные британские оплеухи» и «военный блеф» Дизраэли (С.560).Отбрасывать геополитику и писать, что румыны стали разворачиваться к противникам России из-за упрямого желания империи вернуться к устью Дуная, что якобы было «уделом посредственностей» - необдуманно. По мнению автора, «курс на военное утверждение России в проливах должен был стать национальным проектом, подобно прорыву Петра Великого к берегам Балтики». У России де не хватало в отношении к Турции «здоровой агрессивности», а создание Большой Болгарии по Сан-Стефанскому договору 19 февраля 1878 г. только ослабляло позиции России на подступах к проливам. Ныне в общественном мнении России можно усмотреть ростки германофильства. Это заметно и в данной книге. И.А.Козлов считает, что ни Австро-Венгрия, ни Германия не стремились загнать себя в стан антироссийских недругов. Он сожалеет, что ради германо-русского союза Россия не осмелилась «основательно и тонко разыграть германскую карту». Для России О.Бисмарк сыграл будто бы положительная роль и на Берлинском конгрессе помогал графу П.А.Шувалову. (Но ведь он советовал принять требования Англии и Австро-Венгрии и стращал не брать проливов). Потеря германской поддержки произошла якобы из-за аномального русско-французского сближения. (Не учтено, что военные верхи в России, в том числе и М.Д.Скобелев, ясно сознавали угрозу растущей мощи Германии).Автор скорбит, что Александр II отказался отдать Боснию и Герцеговину (огромную славянскую территорию) Австро-Венгрии, как плату за её нейтралитет. Опасаться австро-венгерского удара в спину не было оснований (С.405, 565). В конце января - начале февраля 1878 г. можно де было занять Константинополь, Босфор и даже Дарданеллы и при удовлетворении притязаний двуединой монархии, навязать Англии выгодный торг. Но тут помешал неизжитый страх перед Британской империей (С.567).И не только. В Стамбуле все европейские послы были против России. На Западе были бы рады изгнать из Европы «мрачного северного колосса и ненавистника европейской цивилизации» (Ф.М.Достоевский). Война с Британией и Австро-Венгрией обернулась бы бедствием. Против «русских варваров» на Босфоре была не только Англия, но и сторонники панэллинизма, ратовавшие за объединение греков (включая Македонию) в одном государстве со столицей в Константинополе.[6] Большинство престарелых «николаевских генералов» боялось поражений и повторения Крымской войны, было пассивно, не умело наступать и не доверяло друг другу. Великого князя Николая Николаевича И.В.Гурко называл дураком. Флот из вооружённых торговых судов на Чёрном море был слаб. В снабжении войск был беспорядок, солдаты без обуви и фуфаек, утраченные шинели не пополнялись, из-за «сухарной лихорадки» многие части не получали сухарей по 15 дней, спирт по 20 дней. Вдобавок свирепствовали дизентерия, лихорадка и сыпной тиф. Тифозные лагеря были переполнены.[7] Потери к концу войны составили вместе с ранеными 248 645 чел.Свой вариативный прогноз автор от 1878 г. довёл почти до

---

[6] Соколовская О.В. Письма греческой королевы к отцу великому князю Константину Николаевичу Романову о русско-турецкой войне 1877-1878 гг. и Греция // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1877-78. М.2006. С.81-82; Хевролина В.М. Н.П.Игнатьев и А.М.Горчаков: два взгляда на решение балканской проблемы (вторая пол 60-х гг. 19 в.) Там же. С.19-32.

[7] Зотов П.Д. Дневник // Русский орёл на Балканах: Русско-турецкая война 1877-1878 гг. Глазами её участников. Записки и воспоминания.. М., 2001. С. 88-90.

современности. «Надо было не голосить по поводу военных приготовлений Англии, а опираясь на силовые позиции у Босфора и Константинополя, сглаживание отношений с Австро-Венгрией по Балканам, обмен гарантиями с Германией, самим приглашать англичан в султанскую столицу участвовать в послевоенном обустройстве этого стратегического региона: идите сюда… мы готовы на любые уступки и давайте, наконец-то поделим наследство рухнувшего «больного человека». «Полупобеда» 1878 г. ввергла Россию в антигерманскую игру Парижа и Лондона, в противодействие Австро-Венгрии на Балканах, в катастрофу1914-1917 гг. и разрушение России. А дальше - началось возрождение Турции как хозяйки проливов, вступление её в НАТО, установка американских ракет «Юпитер» в Измире, советских на Кубе и в 1962 г. мир оказался на грани ядерной войны .Объёмный пересмотр в книге национальных целей России свидетельствует о том, что после безвременья конца XX века, когда с нулевых годов XXI века государственность Российской Федерации стала обретать прочность и мощь, начали оживать и державные настроения в отечественной историографии

В.А. Артамонов, к.и.н.,

старший научный сотрудник Центра

военной истории РАН

Подпись В.А. Артамонов удостоверяю
Ученый секретарь Федерального
государственного бюджетного учреждения науки
Института российской истории Российской
академии наук
«17» 02 2015 г.